

УДК [122/129+32]:37

DOI: 10.37482/2687-1505-V272

*МАКУЛИН Артем Владимирович, доктор философских наук, доцент, директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 62 научных публикаций, в т. ч. трех учебных пособий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7028-9650>

*МИРЕЛЛИ Морис Александрович, аспирант кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 5 научных публикаций***

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1796-7109>

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются социально-эпистемологические функции науки, научного сообщества и системы образования как важнейших элементов «мягкой силы». Дана социально-философская интерпретация понятия «мягкая сила» в его преломлении через призму социальной эпистемологии. Выявлены фундаментальные структурно-функциональные особенности указанного феномена, берущего свое начало из современной специфики цивилизационного взаимодействия, фундированного повесткой глобализации и становлением информационного общества. Результаты исследования показывают наличие методологических затруднений в интерпретации роли науки в ситуациях проявления и применения «мягкой силы» по той причине, что наука и имманентная ей система образования традиционно рассматриваются как общеуниверсальная познавательная деятельность человечества по получению и распространению новых знаний и не могут быть напрямую редуцированы к инструментам политического влияния. Однако в статье также отмечается, что научные сообщества и результаты их деятельности действительно используются как «мягкая (умная) сила», направленная на контролируемую трансформацию глобальных геополитических субъектов. В качестве новых условий функционирования науки и образования как элементов «мягкой силы» в системе цифровой глобализации рассматриваются не только проблемы когнитивного капитализма, трагедии антиобщин, утечки умов, но и стратегии российской науки и образования по формированию когнитивного суверенитета Российской Федерации. Цель статьи состоит прежде всего в изучении социально-эпистемологического значения «мягкой силы» в процессах трансформации роли науки и образова-

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: a.makulin@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: moris.mirelli@yahoo.com

Для цитирования: Макулин А.В., Мирелли М.А. Глобальные векторы «мягкой силы» в науке и образовании: социально-эпистемологические аспекты // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 92–103. DOI: 10.37482/2687-1505-V272

ния, с одной стороны, и геополитического взаимодействия глобальных игроков – с другой. Методология исследования выстроена на основе идей историзма, социальной эпистемологии и сложности открытых социальных систем, теоретического анализа социально-политологической и социально-философской литературы. В конце статьи намечены пути создания новой интерпретации проявления феномена «мягкой силы» в сфере науки и образования.

Ключевые слова: «мягкая сила», рефлексивное управление, наука, система образования, социальная эпистемология, когнитивный суверенитет, инструменты политического влияния.

Социально-эпистемологическая рефлексия функционирования и трансформации знания, детерминированного социальными факторами, чрезвычайно неоднородна как в методологическом, так и в предметном плане.

Несмотря на известный «кризис фрагментации» современного обществознания, на фоне теоретического разнообразия особую тематическую значимость приобретают наука и образование, причем они осмысливаются и практикуются уже не столько в классическом смысле как институты производства знаний посредством образования, имеющие полезные приложения в социальной реальности, сколько как «мягкая сила» [1–4], механизм мощного влияния на межгосударственном уровне, как важнейший инструмент конкурентной борьбы цивилизаций в условиях так называемого когнитивного капитализма.

Данная разновидность капитализма, как известно, предполагает, что знание, технологии и образование становятся доминантой в процессе накопления капитала, причем именно знание является основным источником стоимости. В связи с этим особую значимость приобретает феномен «мягкой силы», особенно если учесть, что в Российской Федерации (РФ) период с 2021 по 2031 год был объявлен «Десятилетием науки и технологий», которое включает в себя комплекс инициатив, проектов и мероприятий, направленных на усиление роли науки и технологий в решении важнейших задач развития общества и страны, обеспечении ее когнитивного суверенитета.

Понятие «мягкая сила» впервые зафиксировал в научном дискурсе в 1990 году американ-

ский политолог Джозеф Най. Данное понятие, построенное на акцентировании внимания на феномене специфического «мягкого», но не становящегося от этого менее эффективным воздействия в международных отношениях, можно назвать поворотным пунктом в истории становления множества социально-политических и социально-философских интерпретаций взаимодействия культур, народов и цивилизаций, геополитических игроков в условиях всевозможных дилемм.

Дж. Най пишет о «мягкой силе» следующее: «“Мягкая” сила – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек... Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны. Но влечение может обернуться и отвращением, если в политике чувствуется надменность или лицемерие» [5].

В целом суть «мягкой силы» сводится к тому, что «мягкое» управляемое информационное взаимодействие, одностороннее или предполагающее обратную связь, признается более результативным и эффективным, чем применение «жесткой силы», т. е. использование классических открыто принудительных экономических, политических и даже военных мер воздействия как на внутреннюю социальную структуру, так и на внешние объекты, в частности, например, на геополитического оппонента.

Значимость феномена «мягкой силы» отражается в ежегодных глобальных мониторингах, ранжирующих страны по степени влияния на международную систему с помощью данно-

го инструмента. В июле 2015 года международная консалтинговая компания Portland опубликовала рейтинг «мягкой силы» государств мира под названием The Soft Power 30 [6]. Согласно его результатам, Великобритания была мировым лидером с точки зрения «мягкой силы», за ней следовали Германия и Соединенные Штаты Америки (США). Китай занял 30-е место в данном рейтинге, Россия же не попала в первую тридцатку [7]. Примечательно, что в 2021 году, согласно рейтингу от компании Brand Finance, Россия уже находилась на 9 месте, но была после начала специальной военной операции (СВО) [8].

Как показала историческая практика, в условиях соревнования глобальных планов-альтернатив мироустройства, отчетливо проявившихся в XX столетии, принципиальным в феномене «мягкой силы» являлось то, что он представлял собой «игру в долгую» и ориентировался не на сиюминутный результат, но на стратегическую отдаленную цель максимального контроля и управления объектом, т. е. на процедуры длительного, системного, всеохватывающего целенаправленного воздействия на выбранную цель, т. е. на так называемую игру с нулевой суммой, подразумевающую выигрыш одной стороны с полным проигрышем другой. «Мягкая сила» как воздействие государства или группы государств на другую державу осуществлялось по всем направлениям, задевая в объекте воздействия его культуру, экономику, политику, язык, социально-историческую память и образы самовосприятия, искусство, моду, науку, воспитание и образование будущих поколений, мировоззрение, оборону, безопасность, идеологию, религию, т. е. «генетические» основания деятельности, жизнедеятельности, роста и воспроизводства конкретной культуры-цивилизации. Древняя китайская мудрость описывает этот процесс более лаконично: «Хочешь победить своего врага – воспитай его детей».

По большому счету, «мягкая сила» является разновидностью рефлексивного управления объектом: когда воздействие производится за счет специальным образом подготовленной информации, передаваемой управляемой стороне; когда объект управления ошибочно считает себя субъектом и полагает будто может принимать независимые решения; в реальности управляемый всегда сделает тот выбор, который уже подготовлен управляющим, т. е. исполнит навязанный ему алгоритм действий.

Как известно, основы теории рефлексивного управления были заложены советским философом В.А. Лефевром, который рассматривал данный тип управления «как воздействие на субъектов, склоняющее их принять решения, заранее подготовленные управляющей стороной» [9, с. 72].

Значительную роль процедура рефлексивного управления и «мягкая сила» играют в международной коммуникации, причем «мягкое» и взвешенное управление именно наукой, научным сообществом и образованием является ключом к выигрышной стратегии в гонке технологий и инновационного развития любой страны.

Отвечая на вопрос о соотношении «мягкой силы» и науки, следует сказать несколько слов о природе последней. В некоем универсальном смысле, обозначенном в свое время Р. Мертоном в знаменитой концепции «этоса науки» [10], декларирующей общие принципы деятельности для всех ученых мира, наука на первый взгляд стоит в стороне от политики, т. е. стремится к высоким идеалам: универсализму, коммунизму, бескорыстности, организованному скептицизму¹. Однако внимательное изучение роли «мягкой силы» показывает, что наука не может остаться в стороне как от политики, так и геополитики. Не может она этого сделать по той причине, что научно-технические революции, несомненно, оказали фундаментальное

¹CUDOS по первым английским буквам каждой из них: C – Communism + U – Universalism + D – Disinterestedness + OS – Organized Skepticism.

воздействие на военную мощь государств и их экономическую конкурентоспособность.

Несмотря на то, что науке как феномену присуща некая внутренняя этическая гармония, заключающаяся в благородном коллективном стремлении всех ученых к истине и в том, что интересы научного мирового сообщества в целом и конкретного ученого в конкретной стране в конечном счете совпадают, нельзя при всем этом не учитывать, что вполне общим интенциям ученых сопутствует множество явлений политической жизни (см. Оксфордская группа, дело Пеньковского и др.). Передовая наука всегда вовлечена в государственную политику, государственную повестку – зачастую процветание данной области является прямым следствием заботы государства. Развитие науки в конкретной стране всегда связано с такими явлениями, как научная дипломатия, научный и технический шпионаж, утечка мозгов. Не секрет, что сама наука в современном однополярном мире имеет как бы два лица, первое ассоциируется с некой коллективной западной наукой, которая на протяжении длительного времени была локомотивом всей мировой науки. Второе лицо – это национальные науки, в частности различные альтернативные проекты, наиболее ярким из которых была советская наука. После крушения Союза Советских Социалистических Республик (СССР) мир в известном смысле стал однополярным, общее экономическое разделение на капитализм ядра, метрополии (Запад) и капитализм окраин (сырьевые экономики и сырьевые колонии) не могло не сказаться на российской науке. В связи с этим ученые стали говорить о так называемых научной метрополии и научных колониях [11], т. е. о ситуации, когда развитые в экономическом, инфраструктурном и техническом планах государства подобно магниту вытягивают из других стран за счет различных грантовых программ самых талантливых и перспективных исследователей, практиков и изобретателей, оставляя в них жалкий минимум, гарантирующий только поддержание процесса воспроизводства тривиальных хронически недофинансированных наукообразных структур, не способных

оказать решающее воздействие на научно-техническое развитие данных стран. Общим ориентиром для ученых из сырьевых колоний становится выражение: «Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше». Патриотически настроенные гении-одиночки с трудом исправляют недостатки и перекосы, изобретая и внедряя что-либо новое скорее вопреки, чем благодаря.

В этом смысле развивающиеся страны оказываются в буквальном смысле интеллектуально и когнитивно обезоруженными, т. к. те, кто что-либо мог придумать, изобрести или внедрить, делают это в другой стране. Вполне красноречиво о данном факте писал З. Бжезинский: «Фундамент растущих геополитических амбиций Америки обеспечивался быстрой индустриализацией страны... Такой замечательной динамике экономического роста способствовала культура, поощрявшая эксперименты и новаторство. Американские политические институты и свободная рыночная экономика создали беспрецедентные возможности для амбициозных и не имеющих предрассудков изобретателей... Короче говоря, национальная культура уникальным образом благоприятствовала экономическому росту, привлекая и быстро ассимилируя наиболее талантливых людей из-за рубежа, она облегчала экспансию национального могущества» [12, с. 15].

Примечательна в этом плане работа с кричащим названием «Lonely Ideas: Can Russia Compete?» (Одинокие идеи: может ли Россия конкурировать?) американского исследователя российской и советской науки Л. Грэхэма. Он, удивляя в некотором смысле западного читателя (о чем он сам пишет), заявляет на страницах своей книги, что россияне в XIX и XX веках действительно были пионерами в подавляющем числе передовых технологий, однако, будучи первопроходцами практически во всех направлениях науки (от первого в континентальной Европе паровоза и первого в мире тепловоза до первой в Европе электронной вычислительной машины и космических технологий), они не смогли довести дело от изобретения до инновации, т. е. до лидерства на международном

рынке высоких технологий. Вспоминая свою поездку Россию в 2010 году, Л. Грэхем приводит пример дискуссии между американскими представителями Массачусетского технологического института (MIT) и российскими учеными, выявляя разницу в менталитете: «Российские же коллеги постоянно возвращались к самим технологиям: как создать нечто “лучшее в мире” в области высоких технологий? В конце концов менеджер MIT раздраженно выпалил: “Вы хотите получить молоко без коровы!” Это утверждение отражает огромную проблему, перед которой стоит Россия. Чтобы стать ведущим участником международного рынка высоких технологий, стране необходимо реформировать свое общество. Ее проблеме – добиться ведущего положения в области высоких технологий – теоретически решить можно, но на практике это чрезвычайно сложно» [13, с. 161–162]. По иронии судьбы в 1991 году Россия уже меняла общественный строй с известными разрушительными последствиями, но оказывается, что в 2010 году, по мнению Л. Грэхэма, процедуру необходимо было повторить вновь.

В этом фрагменте выявляются фундаментальные позиции науки как «мягкой силы», которую используют для далеко идущих политических и социальных планов.

Понятно, что в данном историческом явлении мы можем увидеть проявление эффектов «мягкой силы». Само собой разумеется, что борьба и конкуренция имманентны общественным отношениям, так же как и сотрудничество. Знаменитый «гераклитовский полемос», являющийся отцом всего: «Следует знать, что война всеобща и правда – борьба и что все происходит через борьбу и по необходимости» [14, с. 48], конечно, стал неотъемлемой чертой социальной динамики, – но конкуренция, опять же, может быть всего лишь средством для достижения новых форм сотрудничества, новой гармонии для общества грядущего. Именно об этом писал Р. Аксельрод, автор знаменитой работы «Эволюция сотрудничества» [15], в рамках которой он показал, что пролонгированное, т. е. не заканчивающееся в некоем доступном

и обозримом будущем взаимодействие вынуждает конкурирующие стороны отказываться от стратегии предательства в пользу сотрудничества, т. е. последнее более выгодно даже при том условии, что конкурирующие стороны всегда остаются эгоистичными в преследовании собственных интересов, т. е. максимизации выигрыша и минимизации проигрыша.

Анализируя вопросы использования науки и научного сообщества в качестве «мягкой силы», а также, соответственно, ее применения для привлечения науки и ее плодов к защите национальных интересов, нельзя забывать о фундаментальном противоречии в развитии современной мировой науки в условиях, по большому счету, рыночных отношений. Последние определяют два важнейших аспекта: проблему открытых данных и так называемую трагедию антиобщин.

Речь, конечно, идет об «открытых научных данных» (см. *Dataverse Network*, *Figshare*) и трагедии антиобщин. Говоря в целом, многовековая мечта философов, просветителей и гуманистов о том, что однажды наука и знание смогут решить все беды человечества, наталкивается на так называемую трагедию антиобщин, модель социального взаимодействия, производимую от «трагедии общин». Если в последней речь идет о ситуации, когда пользователи коллективного и общедоступного блага сталкиваются с тем, что этот ресурс всегда истощается, т. к. им пользуются все, но он никому не принадлежит и не на кого возложить ответственность (см. «трагедия общинного поля», «трагедия общинных владений», «трагедия ресурсов общего пользования»). В науке, в свою очередь, складывается другая ситуация, так называемая трагедия антиобщин. «На конференции *Science Commons*, посвященной открытым данным (Вашингтон, 2006), было указано, что защита данных в таких областях, как биотехнология, приводит к возникновению трагедии антиобщин: необходимость получения лицензий от значительного числа их владельцев делает исследования в этих областях экономически невыгодными» [16, с. 132] (см. *таблицу*).

ТРАГЕДИИ ОБЩИН И АНТИОБЩИН

TRAGEDIES OF THE COMMONS AND ANTICOMMONS

	Неконкурентные	Конкурентные
Неисключаемые	ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА государственная оборона	ОБЩИЕ РЕСУРСЫ пресная вода <u>трагедия общин</u>
Исключаемые	КЛУБНЫЕ БЛАГА телефонная связь (неперегруженная) <u>трагедия антиобщин</u>	ЧАСТНЫЕ БЛАГА товар <u>трагедия антиобщин</u>

Сущность данной модели лучше всего выразить в табличной-матричной форме [17], когда заданные условия определяют эсхатологически конечное количество вариаций развития событий.

Сущность трагедии общин, т. е. явления, связанного с фундаментальным противоречием между личными интересами и общественным благом, заключается в том, что все блага, которыми пользуется человечество, можно разделить на «исключаемые» и «неисключаемые», к первым имеют доступ те, кто способен заплатить за их использование, и наоборот. Также блага делятся на конкурентные и неконкурентные: в первом случае ими может воспользоваться ограниченный круг лиц, второй вид предполагает общедоступность данных благ. Следовательно, трагедия общин проявляется везде, где речь идет об исключительном праве пользования.

Итак, если мы говорим о роли научных открытий и научной коммуникации в современном мире рыночной конкуренции и «собственности на знания», т. е. необходимости «получения лицензий от их владельцев», становится невыполнимой идея (мечта) классического просветительского дискурса в отношении критики «собственности на истину», выраженная многими мыслителями и особенно колоритно высказанная М. Монтенем: «Истина и доводы разума принадлежат всем, и они не в большей мере достояние тех, кто высказал их впервые, чем тех, кто высказал их впоследствии» [18, с. 196].

Учитывая наметившиеся и стремительно развивающиеся тенденции разрушения однополярного мира, базировавшегося на незы-

блемости «рыночных механизмов» и «конца истории» (Ф. Фукуяма), следует ожидать в ближайшем будущем распад технологического мира на национальные сегменты. Условно такие сегменты можно назвать «западным», «китайским» или «российским». Понятно, что делится прорывными технологии навряд ли предполагается, т. к. это приведет к усилению одних и ослаблению других. Следовательно, обладать «мягкой силой» в форме привлекательной передовой науки смогут те страны, которые овладеют элементами технологического и цифрового суверенитета. Те, кто не сможет / кому не позволят обладать этим суверенитетом, будут технологически и, как следствие, культурно поглощены и навсегда утратят компетенции международной политической субъектности.

Примечательна также и роль самого научного сообщества как элемента «мягкой силы». Как известно, существует множество интерпретаций данного феномена [19]. По-видимому, одна из наиболее популярных связана с работой Т. Куна «Структура научной революции», объединяющей понятие научного общества с проблемами «экстраординарной», или «революционной» науки, решением концептуальных или инструментальных «головоломок», «парадигмами», т. е. господствующими образцами решения научных проблем.

Таким образом, попытка понять роль научного сообщества как элемента «мягкой силы» на современном уровне развития мировой науки связана с ответом на вопрос о его социально-эпистемологической природе. Не секрет, что,

несмотря на постоянную эволюцию наука в отдельных своих эманациях, в частности в сфере всего того, что относится к естественному, техническому и точному блоку наук, в известной степени, несмотря на смену парадигм и постоянную работу преобразователей парадигм, все же тяготеет к некоей общей парадигме, выражающейся в математической формализации, экспериментальной проверяемости теорий, цифровизации, конвенционально принятых процедурах демаркации научных знаний от ненаучных. Напротив, гуманитарная составляющая мировой науки за редким исключением (логические исследования) продолжает находиться в условно «беспарадигмальном» состоянии, состоянии «брожения умов» и формально делится на два лагеря, один из которых черпает свое концептуальное понимание из либеральной модели и «либеральных аксиом» («невидимая рука», «конец истории» Ф. Фукуяма), другой – опирается на духовные основания, традиции, национальные интересы, глокализацию.

Понятно, что векторы «мягкой силы», связанные с фундированием влияния науки на геополитические процессы, были разнонаправлены по своему идейному приложению, особенно в условиях так называемой холодной войны. Так, статус советской науки всегда декларировался как научно-технический и идеологический базис советской цивилизации, устремленной коммунистическое будущее. Западная наука на протяжении нескольких десятилетий идейно декларировала академические свободы, сетевую природу взаимодействия ученых, что не всегда соответствовало действительности, если речь шла о разработках, связанных с национальной безопасностью или стратегическими интересами, а в последнее время и вообще стали появляться работы, доказывающие крах академических свобод в западном научном обществе (Н. Хомский). Стоит хотя бы вспомнить успехи советских ученых в космических исследованиях, чтобы понять роль научно-технического фактора в международных политических отношениях. Сравнение разных типов интеллектуальной деятельности в разных социальных

системах часто проходило с использованием дихотомических штампов: изоляционизм – космополитизм; закрытое общество – открытое общество; национализм – интернационализм и т. д.

Полемично выглядит на этом фоне фраза А.П. Чехова: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука» [20, с. 43]. Возникает нетривиальный вопрос: может ли быть у ученого национальность или он обязан быть космополитом? Особенно это касается ситуации, когда его собственная страна находится в уязвимом положении: будучи космополитом, исследователь в большинстве случаев вынужден будет работать на транснациональные компании и мегакорпорации, которые в свою очередь в лучшем случае управляются несколькими олигархическими группами или банально группой лиц, принимающих монопольные решения. С А.П. Чеховым, правда, можно согласиться только в том, что не может быть именно эпистемологического суверенитета, т. е. действительно сложно представить себе этническую физику или национальную математику, но также понятно, что когнитивный суверенитет (национальные стратегии науки и образования) все же должен существовать, в противном случае все культуры и цивилизации абсолютно одинаково бы осваивали науку и технологии, имели бы одинаковый прогресс в гонке за знаниями и инновациями.

Немаловажное значение для проявления «мягкой силы» государства в научной дипломатии на международном уровне имеет и система образования конкретной страны. Она в значительной степени представляет из себя кита, на котором строится процветание государственной машины. Очевидно, что стабильно функционирующий механизм образовательной системы позволяет государству достигать высочайших результатов и процветания.

В условиях проектов по всеобщей цифровизации и вызовов, декларируемых «Индустрией 4.0.», существенно трансформируется понимание роли образования как элемента «мягкой силы». Планируемые трансформации фиксируются в так называемых атласах профессий бу-

дущего². Наряду с ответами на вопрос: «Работа будущего – какой она будет?», приводятся также и «профессии-пенсионеры», т. е. устаревающие интеллектуальные и рабочие специальности. Стратегии образования в конкретных странах проходят под разными лозунгами: от формирования всесторонне развитой личности и «грамотного потребителя» до WorldSkills Russia – российского движения, входящего в международную организацию WorldSkills International (WSI). Дистанционное образование занимает существенную нишу, вытесняя «аналоговое».

Говоря о «мягкой силе» в образовании прежде всего, видимо, следует иметь в виду феномены «экспорта образовательных услуг» и «мягкой мощи» обменных программ [21]: первый связан с конкурентоспособностью российского образования на международном рынке образовательных услуг, второй – с идеологическим сопровождением академической мобильности студентов. Не секрет, что если «экспорт российских образовательных услуг» базируется на авторитете российского образования, выработанном еще в советские времена (особенно это касается математического и естественно-научного блока), то обменные программы до некоторого времени базировались на опасном для когнитивного суверенитета страны явлении – утечке талантов, когда студенты и специалисты официально уезжали в западные страны на стажировку с целью приобретения навыков и знаний, необходимых для развития и модернизации собственной страны, но по факту попадали в условия, когда талантливая их часть переманивалась на работу в западные компании или идеологически переформатировалась. Недавнишняя ситуация с СВО показала, что западные вузы активно разрывают отношения с российскими учебными заведениями, отчисляют российских студентов, ущемляют их в правах в связи с новой политической обстановкой, хотя, казалось бы, университетская и сту-

денческая жизнь должна быть индифферентна к политике. «11 апреля 2022 года члены BFUG приняли решение приостановить представительство России в Болонской системе. 24 мая министр образования РФ Валерий Фальков назвал Болонскую систему “пережитым этапом” для страны и заявил, что Россия создаст собственную модель высшего образования»³.

Примечательно, что с проблемой утечки талантов сталкивался и сталкивается по сей день Китай, активно занимающийся привлечением репатриантов за счет создания социально-экономической и культурной привлекательности для высококвалифицированных кадров.

Анализируя утечку умов в рамках действия «мягкой силы», не следует забывать, что это сложное и многоуровневое явление, определяемое не только геополитическими запросами. Так, утечка умов в современном мире обусловлена переходом ученых из фундаментальных наук в прикладные или даже коммерцию, профессиональной и гражданской идентичностью ученых в рамках глобальной академической мобильности [22], следовательно, утечка мозгов может быть внутренней и внешней. Говоря о внутренней утечке, нельзя забывать об утечке мозгов из регионов России в центр. Концептуальной экспликацией обозначенных выше проблем, конечно, является аксиома, сформулированная еще в 2006 году исследователем В.Н. Шевченко: «периферийный капитализм и достойное место на мировой арене – вещи несовместимые» [23, с. 35].

Говоря о «мягкой силе» в образовании, следует обратить внимание еще на один важный вопрос – где получают высшее образование главы государств, где находилась их альма-матер? Британский Институт политики в сфере высшего образования (Higher Education Policy Institute, HEPI) в сентябре 2021 года дал на этот вопрос вполне точный ответ: «Больше всего глав государств и правительств (65 человек) учились в США. На втором месте рейтинга (57) –

²Атлас новых профессий / под ред. П. Лукши. М.: Олимп-Бизнес, 2015. 216 с.

³Что для России означает отказ от Болонской системы высшего образования // Информ. агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/infographics/9463> (дата обращения: 20.02.2023).

Великобритания. Третья – Франция с 30 выпускниками, возглавившими государства» [24].

Резюмируя вышесказанное, можно подвести определенные итоги. Исследуя потенциал «мягкой силы» на примере функций науки, научного сообщества и образования, следует обратить внимание на то, что характер трансформации их природы и функций в цифровую эпоху, связанных в единую систему, обеспечивающую технологическое и идеологическое преимущество одной политической экономико-политической и социально-культурной системы над другой, не должен отождествляться лишь с внешним социально-экономико-политическим влиянием одной группы геополитических игроков на другие, напротив, он должен трактоваться и интерпретироваться с учетом всего спектра полиэкранный методологии социальной философии, дающей комплексное представление о сложных социально-информационных феноменах и их скрытых потенциалах, а также предельно широкое их описание и объяснение, что позволит надеяться на продуктивное прогнозирование

успешной стратегии России на международной арене за счет многочисленных эффектов «мягкой силы», гарантирует достижение цивилизационных целей с минимальными затратами. Проблема несовместимости трагедии антиобщин и «открытых научных данных» подталкивает глобальных игроков к борьбе за раздел мира на технологические зоны влияния. В ход идут все средства, в т. ч. и те, которые подрывают этические основания науки как общечеловеческой ценности. Сложившаяся после распада СССР система западной культурно-научной гегемонии по классическому типу «метрополия–колонии» завершила свое формирование посредством мировой сети Интернет. Не все международные игроки согласны с существующим порядком вещей. В список стран, выступающих против безальтернативности существующего порядка, входит и Россия, которая способна, если учесть ее вклад в мировую научную копилку знаний и технологий, сформировать конкурентоспособную повестку, одним из способов ее реализации выступают многочисленные средства «мягкой силы».

Список литературы

1. Антюхова Е.А. Образование как «Мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 4. С. 197–209. DOI: [10.15688/jvolsu4.2018.4.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17)
2. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2009. № 6(9). С. 200–205.
3. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2012. № 4(25). С. 85–93.
4. Масич В.А. Наука и образование как инструменты «мягкой силы» // Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 1. С. 117–125.
5. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/> (дата обращения: 20.02.2022).
6. McClory J. The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power. Portland, 2015. URL: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf (дата обращения: 20.02.2022).
7. Харитонова Е.М. Рейтинг «мягкой силы» The Soft Power 30. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/rejting-myagkoy-sily-the-soft-power-30?ret=640> (дата обращения: 20.02.2022).
8. Vainrauh V. Индекс «Глобальной мягкой силы» Global Soft Power Index 2022: Соединенные Штаты стали лидером. URL: <https://internationalwealth.info/news-of-the-offshore/indeks-globalnoj-mjagkoj-sily-global-soft-power-index/> (дата обращения: 20.02.2022).

9. Томас Т.Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2, № 1. С. 71–89.
10. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873, [1] с.
11. Макулин А.В. Сырьевая наука и эльдорадо колониальных ученых // Медицинское образование в XXI веке: традиции и инновации: материалы XX Межрегион. учеб.-метод. конф., Архангельск, 22 апр. 2015 года / отв. ред. А.С. Оправин. Архангельск: Изд-во Сев. гос. мед. ун-та, 2015. С. 58–60.
12. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2014. 702 с.
13. Graham L.R. Lonely Ideas: Can Russia Compete? Cambridge: The MIT Press, 2013. 204 p.
14. Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. М.А. Дынина. М.: Госполитиздат, 1955. 238 с.
15. Axelrod R. The Evolution of Cooperation. N.Y.: Basic Books, 1984. 241 p.
16. Корзина М.И. Социально-философский аспект технологий визуальных коммуникаций в условиях новых вызовов Четвертой промышленной революции: дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2021. 239 с.
17. Макулин А.В. Эволюция табличного метода в истории философии: от мистики Древнего Востока до новоевропейского мышления // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 24–26.
18. Монтень М. Опыты. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1960: [в 3 т.]. Т. 1. 1954. 558 с.
19. Анисимова В.Б., Аскарлов У.Б., Бакаев И.В. и др.; Актуальные проблемы истории и философии науки: моногр. / под ред. А.Н. Лоцилина; Рос. акад. наук, Рос. филос. о-во, секция «Теория и методология творчества». М.: Перо, 2018. 153 с.
20. Чернозуб С.П. Концепт национальной науки в новом дискурсе цивилизаций // Ист. психология и социология истории. 2012. № 1. С. 43–61.
21. Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // Междунар. процессы. 2008. Т. 6, № 1(16). С. 76–85.
22. Иконникова Н.К. Профессиональная и гражданская идентичность ученых в зеркале глобальной академической мобильности // Вопр. соц. теории. 2011. Т. 5. С. 319–336.
23. Шевченко В.Н. Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема // Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема / отв. ред. В.Н. Шевченко; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., 2006. С. 5–40.
24. 2021 HEPI Soft-Power Index: UK Slips Further Behind the US (Again). URL: <https://www.hepi.ac.uk/2021/09/02/2021-hepi-soft-power-index-uk-slips-further-behind-the-us-again/> (дата обращения: 20.02.2023).

References

1. Antyukhova E.A. Education as a Soft Power in Modern Foreign and Russian Politological Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 23, no. 4, pp. 197–209 (in Russ.). DOI: [10.15688/jvolsu4.2018.4.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17)
2. Lebedeva M.M., Fort J. Vysshee obrazovanie kak potentsial “myagkoy sily” Rossii [Higher Education as Soft Power Potential of Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2009, no. 6, pp. 200–205.
3. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument “myagkoy sily” vo vneshney politike Rossii [Education as a Soft Power Tool in Russia’s Foreign Policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2012, no. 4, pp. 85–93.
4. Masich V.A. Nauka i obrazovanie kak instrumenty “myagkoy sily” [Science and Education as the Instruments of “Soft Power”]. *Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, 2015, no. 1, pp. 117–125.
5. Nye J.S. Jr. “Myagkaya sila” i amerikano-evropeyskie otnosheniya [Soft Power and European-American Affairs]. *Svobodnaya mysl’-XXI*, 2004, no. 10. Available at: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/> (accessed: 20 February 2022).

6. McClory J. *The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power*. Portland, 2015. Available at: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf (accessed: 20 February 2022).
7. Kharitonova E.M. *Reyting "myagkoy sily" The Soft Power 30* [The Soft Power 30 Ranking]. Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/rejting-myagkoy-sili-the-soft-power-30?ret=640> (accessed: 20 February 2022).
8. Vainrauh V. *Indeks "Global'noy myagkoy sily" Global Soft Power Index 2022: Soedinennye Shtaty stali liderom* [Global Soft Power Index 2022: The US Is on Top]. Available at: <https://internationalwealth.info/news-of-the-offshore/indeks-globalnoj-myagkoj-sily-global-soft-power-index/> (accessed: 20 February 2022).
9. Thomas T.L. *Refleksivnoe upravlenie v Rossii: teoriya i voennye prilozheniya* [Russia's Reflexive Control: Theory and Military Uses]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie*, 2002, vol. 2, no. 1, pp. 71–89.
10. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York, 1968. 702 p. (Russ. ed.: Merton R.K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Moscow, 2006. 873 p.).
11. Makulin A.V. *Syr'evaya nauka i el'dorado kolonial'nykh uchenykh* [Resource-Based Science and the El Dorado of Colonial Scientists]. Opravin A.S. (ed.). *Meditsinskoe obrazovanie v XXI veke: traditsii i innovatsii* [Medical Education in the 21st Century: Traditions and Innovations]. Arkhangelsk, 2015, pp. 58–60.
12. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York, 1997. 223 p. (Russ. ed.: Bzhezinskiy Z. *Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy*. Moscow, 2014. 702 p.).
13. Graham L.R. *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* Cambridge, 2013. 204 p.
14. Dynnik M.A. (ed.). *Materialisty drevney Gretsii. Sbornik tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura* [Materialists of Ancient Greece. Collected Texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus]. Moscow, 1955. 238 p.
15. Axelrod R. *The Evolution of Cooperation*. New York, 1984. 241 p.
16. Korzina M.I. *Sotsial'no-filosofskiy aspekt tekhnologiy vizual'nykh kommunikatsiy v usloviyakh novykh vyzovov Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii* [Socio-Philosophical Aspect of Visual Communication Technologies in the Context of New Challenges of the Fourth Industrial Revolution: Diss.]. Arkhangelsk, 2021. 239 p.
17. Makulin A.V. *Evolyutsiya tablichnogo metoda v istorii filosofii: ot mistiki Drevnego Vostoka do novoevropeyskogo myshleniya* [The Evolution of the Tabular Method in the History of Philosophy: From Mysticism of the Ancient East to the Early Modern Thought]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2015, no. 6, pp. 24–26.
18. Montaigne M. *Opyty* [The Essays]. Moscow, 1954–1960. Vol. 1. 1954. 558 p.
19. Anisimova V.B., Askarov U.Y., Bakaev I.V., et al. *Aktual'nye problemy istorii i filosofii nauki* [Topical Issues of the History and Philosophy of Science]. Moscow, 2018. 153 p.
20. Chernozub S.P. *Kontsept natsional'noy nauki v novom diskurse tsivilizatsiy* [The Concept of National Science in the New Civilization Discourse]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2012, no. 1, pp. 43–61.
21. Fominykh A. *"Myagkaya moshch'" obmennykh programm* ["Soft" Power of Exchange Programs]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2008, vol. 6, no. 1, pp. 76–85.
22. Ikonnikova N.K. *Professional'naya i grazhdanskaya identichnost' uchenykh v zerkale global'noy akademicheskoy mobil'nosti* [Professional and Civic Identity of Scientists in the Mirror of Global Academic Mobility]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 2011, vol. 5, pp. 319–336.
23. Shevchenko V.N. *Zhiznesposobnost' Rossiyskogo gosudarstva kak filosofsko-politicheskaya problema* [Viability of the Russian State as a Philosophical and Political Problem]. Shevchenko V.N. (ed.). *Zhiznesposobnost' Rossiyskogo gosudarstva kak filosofsko-politicheskaya problema* [Viability of the Russian State as a Philosophical and Political Problem]. Moscow, 2006, pp. 5–40.
24. *2021 HEPI Soft-Power Index: UK Slips Further Behind the US (Again)*. Available at: <https://www.hepi.ac.uk/2021/09/02/2021-hepi-soft-power-index-uk-slips-further-behind-the-us-again/> (accessed: 20 February 2023).

DOI: 10.37482/2687-1505-V272

Artem V. Makulin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7028-9650> e-mail: a.makulin@narfu.ru

Moris A. Mirelli

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1796-7109> e-mail: moris.mirelli@yahoo.com

GLOBAL VECTORS OF SOFT POWER IN SCIENCE AND EDUCATION: SOCIO-EPISTEMOLOGICAL ASPECTS

This article examines the socio-epistemological functions of science, the scientific community and the education system as the most important elements of soft power. A socio-philosophical interpretation of the concept of soft power through the prism of social epistemology is provided. Further, the author identifies the fundamental structural and functional features of this phenomenon, originating from the modern specifics of civilizational interaction, based on the agenda of globalization and on the making of the information society. The results of the study revealed methodological difficulties in interpreting the role of science in the manifestations and use of soft power due to the fact that science and the education system inherent in it are traditionally considered as a universal cognitive activity of humankind involving obtaining and disseminating new knowledge and cannot be directly reduced to instruments of political influence. However, the article notes that the scientific communities and the results of their activities are actually used as a soft (smart) power aimed at controlled transformation of global geopolitical actors. It is not only the problems of cognitive capitalism, tragedies of the anticommons and brain drain, but also the strategies of Russian science and education for establishing the country's cognitive sovereignty that are considered to be new conditions for the functioning of science and education as elements of soft power in the system of digital globalization. The primary purpose of this article is to study the socio-epistemological significance of soft power in the transformation of the role of science and education on the one hand, and geopolitical interaction of global players on the other. The research methodology is based on the ideas of historicism, social epistemology and complexity of open social systems, as well as on the theoretical analysis of socio-political and socio-philosophical literature. The article concludes by outlining ways of creating a new interpretation of the manifestations of soft power in the field of science and education.

Keywords: *soft power, reflexive control, science, education system, social epistemology, cognitive sovereignty, instruments of political influence.*

Поступила 28.02.2023
Принята 10.08.2023
Опубликована 25.09.2023

Received 28 February 2023
Accepted 10 August 2023
Published 25 September 2023

For citation: Makulin A.V., Mirelli M.A. Global Vectors of Soft Power in Science and Education: Socio-Epistemological Aspects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 92–103. DOI: 10.37482/2687-1505-V272